

ХИРУРГ | Он возвращает надежду и уверенность

Будем жить!

ВЛАДИМИР РЫБАК
ФОТО: АНДРЕЙ СЕРЕБРЯКОВ

Узкий коридор, как казалось, длиною в километр. Сумеречно и зябко – так бывает в подвале. Много дверей и мало окон. По стенам тянутся какие-то черные провода.

Скрипучая каталка на резиновых колесиках. За ее «штурвалом» – санитарка с крепкими руками. Как носильщик на вокзале с тележкой, нагруженной чемоданами, так и она уверенно управляет этим транспортным средством на правах единоличного участника больничного движения...

– Посторонись, – слышу ее глухой голос. А кого она предупреждает, не вижу. Я сейчас, как те безмолвные и облезлые чемоданы, только голенький, в чем мать родила, созерцаю потолок, находясь в липком тумане. И жду до еле сдерживаемого крика, когда доставят в пункт назначения – операционную. Подгоняет нестерпимая боль: будто кто-то разрезал мне живот, напихал в кишечник битое корявыми кусками стекло и утаптывает его с силой в глубь моего тела.

Этим «кто-то» была прободная язва желудка.

А тут еще простынка, которой укрыли в приемном отделении. Она то и дело сползала на край каталки, грозя выставить больничному народу мое голое тело напоказ. Чувствую себя отвратительно: в голове мешанина от дурных мыслей – что успел сделать, что нет, кому долг не вернул, кто мне не отдал... Унижен и почти раздавлен болью. Беспомощен. Рядом, почти зримо, маячит та самая костлявая, которую изображают с косяк наперевес...

Не заметил, как оказался на операционном столе. Первым подошел уже немолодой врач в очках, через которые на меня смотрели холодные глаза. «По виду строгий, значит, ответственный, – подумал я. – Не даст пропасть от боли». Он, не спеша, начал примерять на мое лицо прозрачные маски с трубочками. «Анестезиолог», – догадался я. «Держись, мужик! Все будет нормально», – подбодрил он, когда я застонал от боли.

– Надо же! Почти сутки терпел, – обратился он к подошедшей медсестре и в непонятном для меня разговоре услышал краем уха о каком-то сепсисе.

Где-то рядом журчала вода. В дальнем углу операционной другой врач, закатав рукава халата по локоть, мыл руки. Да так тщательно и нудно, что мне надоело наблюдать за этой процедурой, и я стал озираться по сторонам. Неподалеку стоял прикрытый белоснежной материей столик. То, что на нем инструментарий хирурга, догадался сразу. Выдали очертания скальпеля, точно такого, каким пользовался наш учитель по черчению. Он им затачивал на уроках карандаши, а хирург сейчас этим ножичком будет решать проблемы с моей язвой.

На какой-то миг отключился. Когда очнулся, лицо закрывала прозрачная маска. Рядом сидел тот доктор, который подбадривал. Глаза слепили мощные потолочные лампы. Их лучи просвечивали насквозь поднятые вверх руки хирурга, обращенные ко мне ладонями. В его глазах я увидел то, что мне было необходимо как воздух – уверенность и надежду в благополучном исходе. «Начнем с богом», услышал я и через секунду провалился в бездну. Чтобы потом, благодаря этим рукам, вернуться к семье, работе, друзьям счастливым и здоровым ☺

У хорошего хирурга должен быть глаз орла, сердце льва и руки женщины. **Этьен Рей**